

Силенин Иван Александрович

СМЕРТЬ КАК ВЫСШИЙ УРОВЕНЬ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМЕ

В данной статье анализируется понятие смерти с точки зрения признания ее фактичностью, конституирующей себя как ответственность. Особое внимание автор уделяет философии экзистенциализма, с помощью которой погружается в рассмотрение вопроса с новых позиций, подчеркивая специфические смысловые векторы в системе "конечность - ответственность за свой "проект"". Смерть в данном случае признается автором как событие, возбуждающее ответственность, уход от рассмотрения которого приводит ко "лжи" человеческого существования.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/8/52.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 8(82) С. 183-185. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

TECHNOCRATIC UTOPIA AND BUCOLIC REALITY: THE BOLSHEVIKS, TECHNOLOGY AND SOCIETY OF THE 1920S

Sidorchuk Il'ya Viktorovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
chubber@yandex.ru

In the article within the framework of the conception of socio-technical imaginary, attitude of Bolshevik authorities to technology and its propaganda is analyzed. The main reasons for importance of development of science and technology for the country's leaders in the 1920s are listed, the basic peculiarities of its representation to the population as well as causes that prevented acceptance of technocratic ideals by the society are shown. The author comes to the conclusion that one of the main reasons for failure to realize bold technical projects initiated by the authorities was cultural resistance of a part of the society caused by technical backwardness and illiteracy.

Key words and phrases: socio-technical imaginary; technocratic utopia; propaganda of technology; research of science and technologies.

УДК 1:(123.1)

Философские науки

В данной статье анализируется понятие смерти с точки зрения признания ее фактичностью, конституирующей себя как ответственность. Особое внимание автор уделяет философии экзистенциализма, с помощью которой погружается в рассмотрение вопроса с новых позиций, подчеркивая специфические смысловые векторы в системе «конечность – ответственность за свой “проект”». Смерть в данном случае признается автором как событие, возбуждающее ответственность, уход от рассмотрения которого приводит ко «лжи» человеческого существования.

Ключевые слова и фразы: конечность; смерть и свобода; ответственность; бытие; экзистенциализм.

Силенин Иван Александрович

Курский государственный университет
serazazell@gmail.com

СМЕРТЬ КАК ВЫСШИЙ УРОВЕНЬ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМЕ

Человеческое существование уникально; конституируясь в собственной трагичности – в экзистенциальной философской мысли, данный феномен получил распространение как парадокс бытия человека. Человеческое начало лежит за пределами познаваемой реальности, человек есть «синтез душевного и телесного» [7, с. 28]. «Синтез» – следовательно, он есть существо незавершенное, продолжающее свое становление вплоть до прихода смерти.

Проблема смертности в качестве смыслообразующего конструкта личности впервые была сформулирована в рамках теологической концепции Серена Кьеркегора: согласно последней, смерть, являясь источником жизненно важного выбора, порождает ответственность наивысшего уровня, реализуемую в процессе формирования человеческой индивидуальности [6, с. 128].

Однако сама по себе конечность экзистенции является лишь направляющим вектором, но не определяет суть существования: смерть вынуждает человека к выбору, ответственность за который лежит на нем самом. Мы сами вправе выбирать между гибелью в своей греховности и спасением, даруемым в признании Христа как своего личного Спасителя.

Вместе с Кьеркегором в философию пришла необходимость осмысления ответственности как производного смерти в качестве исключительного свойства человеческого бытия. Трансформируясь и видоизменяясь в исторической протяженности, концепт данного феномена закрепляется в качестве фундаментального в экзистенциализме, раскрываясь в трудах Мартина Хайдеггера, Жан-Поля Сартра, Карла Ясперса и других выдающихся философов XX в.

Смерть, предполагая высший уровень ответственности, вместе с тем наделяет смыслом жизнь человека. Лишение человека смерти устраняет эту ответственность, но приближает его к равенству с животным или вещью, ибо отсутствие смерти отвергает возможность прилагать к своей конечности безусловность и бесконечность. Переосмысление феномена трагичности человеческого бытия вновь обращает внимание на отношении бытия вещи к существованию человека.

Так, философская парадигма Жан-Поля Сартра утверждает эквивалентность вещиизма чистой позитивности: предметы, выступающие атрибутами окружающего человека мира, не содержат какого-либо знания, обращенного к самим себе, или, иначе, сознания; они инертны, пассивны, неподвижны [5, с. 11]. Человек, в свою очередь, обладает знанием, направленным на самого себя: он представляет собой открытую активную

систему, вступающую в отношения с подобными ему, а также обладает возможностью исследовать бытие вещей, самих на себе замкнутых, – бытие-в-себе.

Довлеющая же над человеческим существованием смертность, определяемая ранее как трагичность экзистенции, уже Сартром не рассматривается в данном качестве. Человек есть носитель сознания, отрицающего его существование: он сознает, что смертен, тем самым имея в своем бытии противоречие – знание, отрицающее собственное бытие. Именно это знание, ранее обуславливающее бытийную трагичность, определяет человека как существо свободное и существо деятельное: «Свобода и есть человеческое бытие, ставящее свое прошлое вне действия, выделяя свое собственное ничто» [9, с. 59].

По Сартру, человек, будучи активным субъектом взаимодействия, «существует лишь настолько, насколько сам себя осуществляет» [10, с. 330]. Это определяется природой его сознания: последнее творит себя, исходя из своей внутренней сущности. Сознание свободно, его инструмент – воображение; более того, оно суверенно и занимает ведущее место в структуре человеческой реальности: «воображение рассматривается в трех пересекающихся контекстах: как акт сознания, как структурирующая восприятие деятельность и как продуктивная творческая способность» [3, с. 53].

Однако фундаментальным свойством сознания является также и интенциональность, т.е. направленность последнего: сознание всегда есть сознание чего-то. Следовательно, сознание не самодостаточно, оно не может существовать без опоры на реальность окружающего [12, р. 320].

Человек представляет собой «бытие сделанное» – его жизнь предопределена многочисленными факторами, навязываемыми ему реальностью мира [9, с. 390]. Все человеческое бытие есть бытие в ситуации – бытие, в котором человек вынужден действовать, исходя из занимаемого им положения по отношению к разного рода предметам или явлениям. Ситуация, эксплицируемая Г. Марселем как «пространство встречи мира и человека», есть парадигма экзистенции, казалось бы, полностью растворяющая в себе личность и не оставляющая в себе места для реализации потенциала свободы, что было заложено в самом определении слова «человек» [8, с. 122]. Однако в чем же заключается, в таком случае, роль сознания, утвержденного в качестве субстанции человеческого существования?

Факты объективной реальности, складывающиеся в мозаику бытия, нейтральны по своей сути. Бытие же свободное есть бытие иного уровня: только выстраивая отношения с окружающим и пропуская внешнее через свою субъективность, человек создает рамки, преодоление которых позволяет ему почувствовать себя свободным: «Наша свобода конституирует границы, которые она впоследствии обнаружит» [9, с. 391].

Таким образом, только благодаря субъективному отношению к ситуациям, чередой сменяющим друг друга в протяженности всей жизни, «человек конституируется как существо свободное»; в процессе целеполагания и проектирования он переступает границы собственных возможностей, обусловленные человеческой телесностью и являющиеся результатом его собственного оценочного восприятия действительности [13, S. 102].

Однако свободный, творческий характер преломления реальности сознанием сопряжен с большой ответственностью: фактически, человек сам определяет все, что с ним будет происходить, поскольку он сам выступает автором своей жизни.

Формируя личное отношение к каждому из фактов своего бытия, человек принимает их как свои собственные; «ситуация является моей, поскольку она есть образ моего свободного выбора меня самого» [9, с. 443].

Следовательно, свобода открывается в признании человеком себя в качестве творца своей жизни; только полностью полагая ответственность за бытие на свои плечи, человек познается как существо свободное.

Принять же самому всю ответственность за свою жизнь значило бы полностью отгородиться от мира внешнего: никто не в состоянии знать, что мы чувствуем и чем являемся, никто не способен разделить с нами эту ношу. Так, человек, страшаясь непомерного гнета ответственности, уходит в самообман или погружается в бытийную повседневность, где видимая социальная сплоченность позволяет ему отчасти снять напряжение, обусловленное значимостью и неоднозначностью для его жизни осуществления себя в той или иной ситуации.

Однако существует ряд ситуаций, смыслополагающих в человеческой экзистенции, ситуаций, уход от которых значил бы потерю целостного «Я» личности.

Эти ситуации, именуемые К. Ясперсом как пограничные, являются неизбежными и неизменными для человеческого существования. Борьба, вина, страдание, зависимость от случайности и смерть – категории, заключающие в себе трагичность бытия человека, являющиеся угрожающими и, в то же время, наполняющими смыслом свободы в акте их преодоления. Каждая из этих ситуаций развертывает перед человеком полноту экзистенции, позволяет актуализироваться как личности, но, помимо этого, является причиной экзистенциального ужаса и отчаяния. Оказываясь один на один с априорными составляющими собственного бытия, человек находится перед самым важным выбором, необходимость совершения которого лежит на нем самом. И речь здесь идет не о преодолении, но о принятии: быть свободным здесь есть «определиться хотеть посредством самого себя», т.е. успех заложен уже в автономии совершаемого выбора [Там же, с. 391].

Центральной же пограничной ситуацией, по Ясперсу, является смерть как трагичная окончательность бытия человека в мире. Ее особенность состоит в том, что пограничной она становится только в случае осознания и личного осмысления смерти как собственной неизбежности.

Не принимая смерть в ее субъективной коннотации, человек не способен познать смысл себя как экзистенции. Являясь «глубинным субъективным началом», смерть позволяет раскрыть сущность человека, отделяя его бытие от бытия вещи [8, с. 123]. Таким образом, смерть является высшим уровнем реализации

ответственности человека, где ответственность разворачивается через обретение свободы в смыслоопределяющем для каждого выборе.

«Свободное для-себя иначе и не существует, кроме как в качестве ангажированного в сопротивляющийся мир», – следовательно, смерть, выступая в качестве пика сопротивления мира человеку, в случае принятия последним всего груза ответственности, способна наделить человека сознанием свободы, подлинности и полноты существования [9, с. 391].

Проблема смертности как феномена, возводящего личную ответственность человека на высший уровень ответственности, разрешается принятием последней смерти в качестве, обуславливающим его собственную субъективность. Расценивание личностью каждой из переживаемых ей ситуаций как результат собственного выбора обнажает истинную природу человеческого сознания; сознания, определяющего человеческую свободу и конституирующего человека, тем самым, в выходе за пределы биологической детерминированности, атрибутом которой и выступает смерть.

Так, человек, существуя в мире как экзистенция, неизбежно сталкивается с ситуациями, испытывающими осознанность его пребывания в мире, ибо «мыслить – значит испытывать желание создавать мир» [2, с. 282]. Будучи человеком и определяясь как существо свободное, каждый способен постичь полноту и подлинность собственного существования: достаточно отождествления им априорных экзистенциалов бытия с результатом собственного творчества, признания себя автором своей жизни посредством принятия ответственности за каждую из ситуаций и осмысления их в качестве акта творения себя как личности.

Человек лишь тогда может называться человеком, когда на нем лежит груз ответственности за свой выбор. Эта ответственность навязывается конечностью, присущей каждому человеку. Осознание и принятие своей конечности влечет порождение поручительства за каждодневный выбор, а следовательно – и осуществление себя. То есть смерть есть событие, возбуждающее ответственность, при этом сама являясь ответственностью, она возводит ответственность в степень ответственности, что приводит к тому, что смерть становится высшим уровнем ответственности. Уход от этой ответственности есть ложь человеческого существования, ибо только тогда человек может творить свое будущее, когда признает свою ответственность за него, только тогда может найти смысл жизни, когда осознает смертность. Редуцируя промежуточные связи, можно сделать вывод о том, что смерть есть катализатор ответственности, это приводит к тому, что смерть порождает жизнь.

Список источников

1. Андреев Л. Г. Жан-Поль Сартр. Свободное сознание и XX век. М.: Московский рабочий, 1994. 333 с.
2. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Сумерки богов / сост. А. А. Яковлев. М., 1989. С. 222-318.
3. Конева А. В. Понятие и структура социального воображения // Вопросы философии. 2016. № 5. С. 51-59.
4. Корнющенко-Ермолаева Н. С. Кьеркегор о человеческом бытии и одиночестве // Известия Томского политехнического университета. 2006. Т. 309. № 8. С. 244-249.
5. Кушова И. А. Сознание, определяющее свободу, в экзистенциализме Ж.-П. Сартра // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 3. С. 11-13.
6. Кьеркегор С. Или-или. СПб.: Амфора, 2011. 823 с.
7. Кьеркегор С. Понятие страха. М.: Академический проект, 2015. 224 с.
8. Мануковский В. В. Экзистенциальное содержание понятий «встреча» Г. Марселя и «пограничная ситуация» К. Ясперса // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 4. С. 122-125.
9. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. М.: Республика, 2000. 823 с.
10. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов / сост. А. А. Яковлев. М.: Политиздат, 1989. С. 319-344.
11. Ясперс К., Бодрийяр Ж. Призрак толпы. М.: Алгоритм, 2007. 272 с.
12. Davidson D. Truth and Meaning // Synthese. 1967. Vol. 17. № 3. Language in Use Including Wittgenstein's Comments on Frazer and a Symposium on Mood and Language-Games. P. 304-323.
13. Hengstenberg H.-E. Philosophische Anthropologie. Stuttgart, 1957. 396 S.

DEATH AS THE HIGHEST LEVEL OF RESPONSIBILITY IN EXISTENTIALISM

Silenin Ivan Aleksandrovich

Kursk State University

serazzell@gmail.com

In this article the notion of death is analyzed in terms of its recognition as factuality constituting itself as responsibility. The author pays special attention to philosophy of existentialism, with the help of which he immerses in consideration of the issue from new positions, emphasizing specific semantic vectors in the system “finitude – responsibility for one’s «project»”. Death in this case is recognized by the author as an event that causes responsibility, departure from consideration of which leads to “lie” of human existence.

Key words and phrases: finitude; death and freedom; responsibility; being; existentialism.